

Сергей Иванников

Борьба за национальную идентичность

Религиозный экстремизм как постоянная угроза

Статья написана на основе выступления на международной онлайн-конференции «Религиозный экстремизм и права человека», состоявшейся 26 ноября 2020 года.

События последних месяцев, произошедшие в Западной Европе, ещё раз напомнили о том, что исламский религиозный экстремизм является одной из главных политических проблем современности. Пандемия и обострение экономического кризиса эту проблему сделали ещё более актуальной.

Тем не менее, было бы крайне наивным предполагать, что проблема радикального ислама является автономной, независимой от других проблем, стоящих перед международным сообществом, и может быть решена «сама по себе», в отрыве от политических вопросов, затрагивающих другие сферы жизни общества.

Об этом свидетельствуют социологические наблюдения. В странах Европы подавляющее большинство исламских религиозных экстремистов – выходцы из стран третьего мира, в России радикальный ислам нашёл социальную базу в регионах, никогда не являвшихся лидерами социального и экономического развития. Это обстоятельство является ключом для понимания генезиса проблемы в целом.

Религиозный экстремизм – это реакция традиционных обществ на неравномерность технического развития. Самосознание таких обществ находит в религии естественную форму своего самовыражения. Техническая модернизация разрушает традиционные формы жизни и, соответственно, ставит традиционную религию перед серьёзным вызовом. Одним из ответов на такой вызов становится радикализация религиозных идей и представлений и формирование основанной на них соответствующих повседневных и политических стратегий деятельности.

При том, что в развитых странах исламский религиозный экстремизм более заметен, его первичной почвой оказывается именно третий мир, т.е. общества, в которых разрушение традиции происходит наиболее сильно. Экспорт терроризма – это всего лишь следствие внутренних процессов, происходящих в отсталых регионах мира.

С точки зрения левых идеологий, причины возникновения религиозного экстремизма органично связаны с проблемами капитализма. Но в действительности перед нами – тот редкий случай, когда анализ может пренебречь спецификой мировых социально-экономических систем. Неравномерность развития свойственна как капитализму, так и социализму. Тот же Китай об этом факте может свидетельствовать. *Причины возникновения религиозного экстремизма* – не в капитализме или социализме и не в какой-либо борьбе между ними, а в *технической модернизации как таковой*.

И т.к. модернизация – это постоянный, устойчивый процесс, она всегда будет связана с неравномерностью развития и, соответственно, появление всё новых и новых форм политического экстремизма оказывается неизбежным.

Борьба с религиозным экстремизмом не предполагает возможности обретения некоего окончательного, абсолютного решения, в результате которого само явление исчезнет из реальности. Наоборот, для развитых стран соответствующие «послания» с мировых окраин будут частью их повседневного существования. Это – нечто, подобное болезни, которая однажды поселилась в организме и далее с ней придётся жить постоянно.

Но отсутствие окончательного решения не означает, что не надо искать решений локальных. Наоборот, борьба с религиозным экстремизмом должна быть интегрирована во все политические стратегии, независимо от их конкретных, частных целей и предпочтений.

Под знаком такой борьбы Россия и западные общества находятся в разных ситуациях и обладают разными возможностями. То, что для России может стать основанием реальной политики, для стран Западной Европы является, скорее, благими пожеланиями – некими

точками на горизонте, к которым надо стремиться, но механизмы осуществления таких стремлений отсутствует. И это делает существование Европы как уникального цивилизационного образования проблематичным. «Закат Европы», о котором писал Шпенглер в начале прошлого века, становится реальным именно сегодня.

Важнейшей целью всех христианских обществ сегодня является постоянная борьба за сохранение собственной культурной идентичности. Прежде всего, это касается сферы общественного сознания. Всё, что относится к культурной идентичности, должно стать частью постоянной заботы со стороны государства и тех политических сил, которым небезразлична судьба их родины. В первую очередь, это касается языка, исторического опыта, сложившихся традиций и обычаев. Всё это нуждается в защите.

На Западе такой курс на сохранение собственной идентичности становится всё менее и менее возможным. Западные политические элиты увлеклись защитой интересов разного рода меньшинств, забыв, что так называемая «толерантность» должна быть направлена, прежде всего, на защиту интересов большинства общества.

В результате такой политики возникают абсурдные ситуации, когда кому-то из иммигрантов не нравится тот или иной местный обычай или праздник, например Рождество, и они начинают громко требовать его отмены, а местные муниципалитеты идут им на встречу. Интересы большинства приносятся в жертву интересам меньшинств и маргиналов.

Естественной и, по сути, единственной реакцией общества и государства на подобные прецеденты должна быть следующее: если кому-то не нравится появление Деда Мороза на рождественских улицах моего города, он волен поискать себе другое место жительства, но если он живёт здесь, то с существованием Деда Мороза ему придётся смириться. Если кого-то не устраивают кресты на христианских церквях, он может переехать туда, где их нет. Но на моей земле такие люди являются всего лишь гостями, и всё, что они могут позволить в данном случае – это вежливое молчание. Если же молчание оказывается непосильной задачей, то в ситуацию должно вмешаться государство и отправить гостя туда, откуда он прибыл. Борьба за идентичность – это не только часть культурной политики, но и необходимой элемент государственной деятельности. Соответственно, на законодательном уровне должны быть сформированы механизмы для того, чтобы она стала возможной.

При этом требование уважения не должно быть односторонним. Если мы ожидаем уважения по отношению к себе, мы не должны неуважительно относиться к другим. Оскорбления представителей нехристианских конфессий наподобие тех, что регулярно публикуются в «Charlie Hebdo» недопустимы, а деятельность подобных СМИ должна быть прекращена как угрожающая социальной и политической стабильности. Безусловно, подобные действия вступают в противоречие с нормами демократии, как они понимаются в западных обществах. Но этим обществам стоит задуматься: кому будет нужна *такая* демократия, если их самих уже не будет?

Другим важным направлением политики, направленной на предотвращение угроз со стороны религиозного экстремизма, должно стать регулирование миграционных потоков. В России иммиграция связана с большим количеством трудовых мигрантов, на Западе к ним добавляется большое количество беженцев.

Большинство беженцев на Западе – это люди, которые пользуются местными социальными бонусами, но, при этом, изначально не планируют интегрироваться в местное общество и, более того, часто подчёркнуто противопоставляют себя ему. Именно из их среды и выходит подавляющее большинство религиозных экстремистов.

Проблема миграции и мигрантов должна быть глобально переосмыслена. Прежде всего, это относится к беженцам. Данная социальная группа является группой временного проживания и, соответственно, когда политическая ситуация в странах, откуда представители этой группы эмигрировали, нормализуется, беженцы должны быть отправлены назад. В ином случае внутри «большого общества» будет возникать огромное количество «малых обществ», стремящихся к глобальной автономии от «большого». Такие социальные автономии не заинтересованы в сохранении «большого общества», их

глобальной целью является разрушение его и приватизация ресурсов. Простая констатация того, что некое иммигрантское сообщество стремится к собственной автономии, должна автоматически означать получение «билета на выход».

Эта проблема касается и трудовых мигрантов в России. Здесь они являются всего лишь приглашёнными наёмными работниками, и каждый из них принимал решение о приезде в Россию самостоятельно. Их работа на российских предприятиях не предполагает *автоматического* получения российского гражданства. Для того чтобы стать гражданином России, необходимо, как минимум, *свободно говорить* на русском языке и иметь чёткие представления об истории и культуре страны.

С другой стороны, общество и государство должны поддерживать и поощрять стремление иммигрантов интегрироваться в общество. Если человек готов трудиться на благо страны, его принявшей, он должен получить соответствующую поддержку. Но и в этом случае он не должен получать сразу весь комплекс гражданских и политических прав, например, право занимать руководящие государственные должности. Для того чтобы стать в полной мере *своим*, мало одного стремления. Для этого необходимо время. (и чёткое понимание того, что человек проявил себя достойно на своём профессиональном поприще и в социуме).

Если же отношение к иммиграции в развитых странах не изменится, то большинство этих стран, как уже было отмечено, перестанет существовать. Даже мощная и сильная Германия сегодня не способна безболезненно принять иммигрантские потоки, захлёстывающие страну. Что же тогда говорить, например, о значительно более слабой Латвии? – Если политика ЕЭС в вопросах иммиграции не изменится, то вместо Латвии мир получит Прибалтийскую Нигерию или её аналог.

Безусловно, силовые структуры должны иметь расширенные полномочия для своих действий в иммигрантской среде и лагерях беженцев. Возможно, такие меры вступят в противоречие с правовым режимом того или иного государства, но необходимо помнить, что те же лагеря беженцев – это пространство, предоставленное государством во временное пользование. Главной задачей государства является сохранение этого пространства, защита людей в нём проживающих и их последующая отправка на историческую родину. Беженцы – люди, оказавшиеся в экстремальной ситуации, что требует введения экстремальных норм, регулирующих их поведение в этих условиях.

Борьба с экстремизмом должна идти и на международном уровне. Недопустимо поддерживать радикальный ислам на местах, пытаясь за счёт региональных радикальных группировок решать собственные политические цели. Недопустимо поддерживать религиозный экстремизм где бы то ни было. Если бы в своё время США об этом помнили, то Всемирный торговый центр в Нью-Йорке не был бы разрушен. Отказ от поддержки религиозного экстремизма должен быть зафиксирован в качестве универсальных международных норм, стать частью устава ООН и других международных организаций. А если такая поддержка будет осуществляться, то лица, её обеспечивающие, должны считаться международными преступниками и нести уголовную ответственность в той же мере, в какой она распространяется на непосредственных участников экстремистских акций.

Сегодня осмысление проблем религиозного, прежде всего – исламского экстремизма неизбежно обретает алармистскую тональность, по крайней мере, применительно к западной политической ситуации. Для Запада такой экстремизм – это вершина айсберга, указывающая на значительно более глобальные процессы: смену цивилизационных парадигм и разрушение европейской цивилизации как таковой. В связи с этим можно лишь приветствовать попытки ответственных национальных сил на Западе как-то эту ситуацию изменить, но у всех этих партий и движений очень мало времени. А современная неолиберальная идеология и стоящие за ней экономические и политические структуры постараются сделать всё, чтобы этого не произошло.

Российская ситуация на западном фоне выглядит внешне более благополучной, но только до тех пор, пока русские (и славяне в целом) будут составлять большинство

населения нашей страны.